

УДК 82.09-3
DOI: 10.26456/vtfilol/2025.1.033

НЕКРАСОВСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ПОЭМЕ 1970–1980-Х ГОДОВ

С. Ю. Николаева, В. А. Редькин

Тверской государственный университет, г. Тверь

Традиция Н. А. Некрасова в русской поэме 1970–1980-х гг. рассматривается прежде всего как традиция эпической сюжетно-повествовательной поэзии, обращенной к национальным основам бытия народа, к народной «почве», это традиция решения проблемы человеческого счастья и открытой гражданственности. Некрасовское начало проявляется системно: в жанровом содержании, в художественной структуре произведений, в нравственной позиции автора, в фольклоризме как способе выражения эпического начала, в событийной канве и т. д. Делается вывод о том, что обращение к некрасовской эпической традиции помогает поэтам 1970–1980-х гг. выразить «ведущую национальную идею» – «идею цельности» русского национального мира. Некрасовская традиция (наряду с «крестьянской» и «новокрестьянской» поэзией) лежит в основе генезиса литературного «почвенничества» второй половины XX века и приобретает особую актуальность в русской поэзии 1990-х – 2020-х гг., в поэмах Н. И. Тряпкина, Ю. П. Кузнецова, А. А. Проханова и других поэтов.

Ключевые слова: *Н. А. Некрасов, русская поэзия, Е. Исаев, С. Викулов, В. Федоров, В. Шаламов, почвенная поэзия, эстетический идеал, жанр, поэма, лиро-эпос, стиль, национальный характер, лирическое «я»*

Характерной чертой русского литературного процесса второй половины XX века стало осмысление итогов Великой Отечественной войны, осмысление и переосмысление национального наследия и опыта советской эпохи, в результате чего в 1960-е гг. возникла «деревенская» проза, «тихая лирика», несколько позже сформировалось «почвенное» направление. Говоря о литературном «почвенничестве», некоторые исследователи сужали его рамки, ограничиваясь поэзией Н. Рубцова, Ю. Кузнецова [1], тогда как это направление на самом деле охватывало широкий круг имен и наиболее ярко воплотилось в русской эпической поэзии, в жанре поэмы. В частности, поэты 1970–1980-х гг. в поисках нравственных и эстетических идеалов обращались к традициям национальной культуры, которые воплощаются в характерах, в образной системе, воссоздании национально-исторического времени и пространства. Достаточно вспомнить поэмы А. Твардовского, Я. Смелякова, В. Прокофьева, В. Луговского, Л. Мартынова, С. Викулова, Е. Исаева, Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова и многих других.

© Николаева С. Ю., Редькин В. А., 2025

В конечном счете роль национально-культурной традиции в творчестве поэта определяется не темой, не деталями, а национальным характером лирического «Я». Типологически, а не оценочно важна такая точка отсчета в изображении мира. Так, в некоторых произведениях А. Вознесенского позиция автора явно иронична в отношении национального (быта, истории, культуры) в сравнении с явлениями культуры «общечеловеческой». К примеру, в поэме «Авось» беззаботная, безрассудная надежда провозглашается девизом России, вопреки национальной традиции поэтизируется не любовь Ярославны, а любовь Кончаковны: «Укрепи меня, Мать-заступница, Против родины и отца, / Государственная преступница, / Полюбила я пришлеца...».

Характерно, что картины исторического прошлого у А. Вознесенского оказываются, по словам А. Михайлова, «вне всякой логики исторического развития», «впрессовываются» в современность, «живое историческое явление, таким образом, превращается в гиперболизированную ассоциацию», в отличие, например, от Н. Рубцова, с его «ощущением живого процесса истории», «глубокой любовью к прошлому России как истоку современной Родины» [6, с. 235].

Не прост вопрос о преемственности в отношении классиков русской и советской литературы, об «именных» традициях в современной поэзии, традициях А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова, М.Ю. Лермонтова и Ф.И. Тютчева, А.А. Блока и В.В. Маяковского, С.А. Есенина и А.Т. Твардовского. С одной стороны, опасен узкий подход к влиянию большого поэта на последующий ход литературного развития. Так, традицию В.В. Маяковского нельзя ограничивать поэтами его ближайшего окружения, позднейшими подражателями или теми, кто заимствовал его «лесенку» и некоторые другие формальные приемы. Л.И. Тимофеев даже подчеркивал, что духу поэзии В.В. Маяковского близка поэзия А. Твардовского и М. Исаковского, что «традиции В.В. Маяковского определяют основные пути развития советской поэзии» [13, с. 475].

С другой стороны, возникает опасность нивелирования именной традиции, когда любого советского поэта в равной мере могут объявить последователем Пушкина и Некрасова, Есенина и Маяковского. П.С. Выходцев в книге «Новаторство. Традиции. Мастерство» справедливо подвергает критике тех, кто одинаково сближает с Некрасовым Хлебникова, Есенина и Маяковского, пишет об именных влияниях в конкретных «жанрово-тематических пластах» [3, с. 332].

В.Г. Белинский подчеркивал в творчестве А.С. Пушкина «пафос художественности», а у Н.В. Гоголя «пафос социальности». В поэзии пафос социальности, гражданственности является в широком плане некрасовской традицией. В этом смысле вся подлинно гражданственная русская поэзия – наследница Н.А. Некрасова. Кстати, гражданственная по-

эзия была всегда в оппозиции к власти имущим. Но концепция личности (в частности, идеал русской женщины) в творчестве Н. А. Некрасова, его эстетический идеал, приверженность к крестьянской теме, характерный ряд ассоциаций, тропов, поэтических приемов и ритмов близки далеко не каждому поэту. Вслед за М. Исаковским, А. Твардовским, Н. Рыленковым. А. Яшиным, последователями Некрасова можно назвать М. Дудина, С. Викулова, Ю. Друнину, С. Наровчатова, Н. Старшинова, Н. Тряпкина, а далее – В. Шаламова, Н. Рубцова, О. Фокину, В. Фирсова, А. Жигулина, В. Гордеичева и других.

Деревня – предмет их тревог и раздумий, человек-труженик – цель их эмоциональных исследований, природа и человек едины в их художественном сознании, ясно ощутима связь с фольклором, ибо «следование фольклорной традиции – один из путей достижения подлинной народности, выражения национального духа, создания эпических по сути произведений и воплощения глубокого лиризма» [9, с. 65], пафос национального бытия пронизывает их творчество.

Традиция Некрасова в русской поэме 1970–1980-х гг. – это прежде всего традиция эпической сюжетно-повествовательной поэзии, обращенной к национальным основам бытия народа, к народной «почве», это традиция решения глобальной проблемы человеческого счастья, а отсюда – открытой гражданственности, явной тенденциозности. Здесь все выступает в неразрывном единстве – и жанровое содержание, и элементы структуры: актуальность проблематики и острая социальность, четкая нравственная позиция, оценка с точки зрения интересов народа, фольклорность как способ выражения эпического начала, событийность как основа для размышлений и выводов, повышенная роль поэтически трансформированного и все же «чужого слова» и т.д.

Яркие достижения поэмы 1970–1980-х гг. в русле некрасовской эпической традиции обнаруживаются прежде всего в творчестве Е. Исаева, В. Федорова, С. Викулова, В. Шаламова.

Сюжетно-повествовательная поэма каждого из них – явление самобытное. Их творчество не спутаешь между собой. Их поэмы – пример того, как некрасовская жанровая традиция обнаруживает себя разными гранями, неисчерпаемыми возможностями.

Е. Исаева привлекает в «нестареющем слове» Н. А. Некрасова мощь, глубина, даль, «чувство неистребимой справедливости, вера в добро» [4, с. 288], особое коллективистское начало, когда главными героями произведений становятся сход, мужицкая артель, община. По словам Е. Исаева, поэма «Кому на Руси жить хорошо» – это произведение о крестьянстве, «о многострадальности его и бесправии, а вместе с тем о душевном богатстве его, добросердечии и красоте». Все это мы найдем в поэме «Даль памяти» и в особой концепции истории, и в изображении

конкретных образов: Степана Рудяка, Назара Шаброва, Семена Угорина. Достаточно сопоставить главы «Кремень-слеза» и «Счастливые», чтобы почувствовать непосредственную преемственность поэтов.

Главная задача Е. Исаева – показать духовно-нравственные истоки победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Этот исток поэт видит в духовном богатстве народа-труженика, человека от земли. И здесь невозможно было пройти мимо опыта Некрасова, для которого, по словам Е. Исаева, «народная мораль – начало всех начал».

В «Суде памяти» раскрыт другой аспект некрасовской традиции. Здесь поэт задел другой болевой нерв эпохи – тему войны, предотвращения войны.

Исаеву близок пафос стихотворения Некрасова «Внимая ужасам войны». Невосполнимы жертвы войны, неизгладима ее память в сердце матери:

Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слёзы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

При этом для Е. Исаева мать-женщина и мать-природа едины по своему предназначению. «первая сердцем тревожится за одного только сына – человека, вторая – за все человечество. И обе они в одном образе любви и гнева, в образе живого протеста против ужасов войны, против чудовищно продуманного безумия».

Поэме Исаева, как и некрасовской поэме, свойствен не только трагизм, проистекающий из особой обостренной реакции поэтов на страдания человека в мире, но и горькое сознание, что их страстное слово не в силах защитить людей. Е. Исаев как бы развивает мотив слезы из поэмы «Мороз, Красный нос»: «прожигающая слеза», «слеза-жемчужина». Нетрудно увидеть некрасовские корни в поэмах Исаева 1970–1980-х гг. в образах любви, гнева и протеста.

Говоря о постижении С. Викуловым «народной жизни, поэтического овладения богатством народной речевой культуры», В. А. Оботуров подчеркивает, что «на этом пути добрую роль сыграла некрасовская традиция, близкая Викулову и по интересу к крестьянской жизни <...> и по фольклорным истокам» [10, с. 226].

С. Викулов – эпический поэт русской деревни 1970–1980-х гг. Когда вспоминаешь его поэмы «Трудное счастье», «Окнами на зарю», «Ко-

нек на крыше», «Письма из деревни», перед глазами проходят глубоко народные характеры русских хлебопашцев, по прямой линии восходящих к многовариантному колоритному образу русского мужика некрасовской поэзии.

Если Исаев, опираясь на некрасовскую жанровую традицию, решает исторические задачи, связанные с жизнью нации в современном мире, то Викулова больше привлекает сам быт деревенской жизни. Он показывает радость деревенского труда и его невероятные тяготы. Его поэтический эпос, как и у Некрасова, носит аналитический характер, это эпос-исследование жизни. И как бы кардинально ни изменилась жизнь крестьянина за сто лет, руд на земле не стал забавой, и опыт Некрасова помогает поэту и сейчас бороться с социальной несправедливостью:

Председатель, прямо скажем,
Никому, кто держит скот,
Даже маленьких поблажек,
В смысле сена, не дает.
У него такое право.
У него такой расчет.
...То ль роса по диким травам,
То ль соленый пот течет [2, с. 43].

Традиции Некрасова воспринимаются в поэме 1970–1980-х гг. отнюдь не только как традиция «деревенской» поэзии, традиций «Коробейников» и поэмы «Мороз, Красный нос», но и как традиция поэта трудового народа, автора поэм о высокой духовности дворянской и разночинной интеллигенции, о мужестве декабристов и их жен, традиция, наконец, сатирического пафоса в эпическом творчестве. Духовность для него – критерий человека и мира. «Кто же имеющий душу мог это вынести?... Кто?» – вопрошает Некрасов устами героя в поэме «Дедушка». Отзывчивость, душевность, совесть – критерий личности и для современного поэта.

В этом плане поэма В. Федорова продолжает по главной сути эпическую традицию Некрасова. «Кому на Руси жить хорошо» – это поэма, дающая социально-нравственный разрез пореформенной России, поэма, решающая кардинальные философские проблемы смысла человеческой жизни, поиска не только счастливого, но и ответа на вопрос, что такое счастье. Поэма В. Федорова близка эпосу Некрасова как своей философской проблематикой, так и своей структурой. Во всех его поэмах ведется поиск красоты, истинной любви, истинного искусства, истинной веры, подлинной воли. Отсюда движение во времени и пространстве, особый динамизм. В «Женитьбе Дон Жуана» Федоров прямо связывает понятия «счастье» и «дорога»: «Большое счастье – это, на мой взгляд, Не только сам конечный результат, Но и дорога, что ведет нас к счастью».

Движение сюжета в «Проданной Венере» – это постижение красоты: «Иду в картинных галереях / Через минувшие века, / Через сокровища народов...». По существу здесь. Как и в других поэмах, идет речь о счастье. Не случайно, говоря о глазах уже увядшей Наташи Граевой, лирический герой замечает: «В них, / Укрываясь от напастей, / Души глубинной чистотой, / Надеждой на большое счастье / Все ходит / Рыбкой золотой» [14, с. 05].

И если Некрасов приводит читателя к мысли, что счастье в служении народу, в подвижничестве Гриши Добросклонова, то по сути близка этой идее мысль В. Федорова: «Судьба Наташи – это подвиг. А подвиг стоит красоты». Характерно, что здесь не только нравственный, но и социальный аспект проблемы, хотя, в отличие от Некрасова, Федорова больше волнуют моральные вопросы.

В. Федоров близок Некрасову народностью идеалов красоты, в том числе женской. Он и писал о развитии своего вкуса от Рафаэля к Рубенсу, но фактически всегда утверждал красоту телесную, неразрывно связанную с духовной. В «Проданной Венере» поэт признается: «Мой вкус был самый деревенский», и подчеркивает в женской красоте по сути те же черты, что и Некрасов в Матрене Тимофеевне и других героинях-крестьянках: гордость, стойкость, «стыдливость без ужимок», «ясность взора», способность к самоотверженному труду, который, если он непосильный, губит красоту. При этом Федоров, как и Некрасов, прибегает к народному выражению, давая нравственную оценку поведения человека: «Конем любуются в упряжке, Конь на гульбе Еще не конь».

Развивается В. Федоровым и некрасовская тема страдания. В то же время у него больше лиризма, а подчас проявляется и романтическое начало. На вопрос: «Чем ты болен?» – он отвечает: «Всеми болями века».

Разговор о жанровой традиции, близости композиционных структур наполняется живой плотью, когда оказываются родственны образные системы поэм, лексика, тропы, ритмика. Разве это не близко самому духу поэзии Некрасова: «Слезы льет Егор посолённые / И глотает дрожащим ртом», «И жизнь, неустанная птица, Живых увела за собой...»/ Или: «И сердце сильней застучало. / Могила... / Постой бугорок. / В нем отчего края начало, / В нем будущей жизни залог» [Там же, с. 196].

Характерную для Некрасова цепочку образов: стон, горе – Волга, Русь – можно встретить и у Федорова, например, в поэме «Ленинский подарок». Некрасовские мотивы печали мы найдем в поэме «Аввакум»: «В горе, / Во печали / Русская страна, / Правда в ней и вера / Преданы насилью, / Всюду мор и голод... / Видно, сатана / Выпросил у Бога / Светлую Россию» [Там же, с. 275].

В. Федоров широко предоставляет слово герою произведения – человеку из народа: «За жизнь-то хлебнула я лиха, Достаток повелся не

вдруг...» – чьи это слова? Героини Некрасова или Федорова? Нелегко определить. В духе Некрасова дается образ матери в поэме «Белая роща»: «Много плакала, много видела, / Стала многое забывать, / Слезы краем платочка вытерла, / Принялась добро собирать» [Там же, с. 188].

Некоторые герои Федорова перекликаются с образом Савелия – богатыря святорусского. Он утверждает могучие силы русского народного характера. Таков, например, Харитон из поэмы «Золотая жила». А главное – как и Некрасов, Федоров утверждает высокую духовность крестьянской души, способность на глубокое чувство: «Темная, Крестьянская, Скупая Нежностью истаяла душа».

Обращение к тем или иным традициям классики всегда связано с индивидуальным стилем поэта, с принадлежностью к тому или иному стилистическому течению, школе. Так, поэма В. Федорова, С. Викулова, С. Смирнова, А. Яшина, М. Дудина, В. Шаламова, Н. Тряпкина и других лежит в русле конкретно-реалистического стилистического течения. Для нее характерны реалистические, социально-типизированные характеры, исторически конкретные обстоятельства, система событий представлена как реально происходившая, одним из участников событий может стать и лирический герой, характер его объективируется. Возможны и сказовые формы.

У В. Федорова, как правило, действие происходит в определенной исторической (Гражданская война) и бытовой (госпиталь, неисправный мостик) обстановке («Ленинский подарок») или в производственно-бытовой сфере («Обида», «Первые слезы», «Белая роща»). Полны исторического драматизма личные судьбы Харитона и Глаши («Золотая жила»), героев поэм «Дуся Ковальчук» и «Аввакум». «Поэма, которая вначале предстает как история несчастной любви, перерастает в историю борьбы за «золотую жилу» народного счастья» [12, с. 209], – подчеркивает критик, и это высказывание может быть отнесено ко всему лиро-эпосу поэта.

В. Федоров осмысливает национально-историческое и национально-бытовое время, передает ощущение «дали» национального пространства. «Широкое пространство всегда владело сердцами русских» [5, с. 263], – писал Д. С. Лихачев. Нерасторжимая связь малой и большой родины свойственна всем произведениям поэта. Его герой чувствует себя частицей, «кровинкой малой» большой страны. И простая учетчица Вера, героиня поэмы «Первые слезы», «Глядит в степную ширь Довольней Ермака, вписавшего В родные карты всю Сибирь».

Некрасовская традиция оппозиции к власти особенно ярко проявилась в творчестве В. Шаламова, чьи произведения, в том числе поэмы, вошли в литературный процесс только в 1970-е гг., хотя и были написаны гораздо раньше. А. Солженицын вспоминал о том, что предлагал А. Твардовскому в «Новый мир» маленькие поэмы В. Шаламова

[11, с. 39]. Называя А. Твардовского мужиком и отмечая «русскость склада, крестьянность, земляность, неслышное благородство» лучших его стихов, он, видимо, считал и произведения В. Шаламова «мужицкими», созданными в традициях Некрасова, и сетовал, что они не были Твардовским напечатаны. Можно присоединиться к мнению Солженицына: ведь поэзия В. Шаламова стала шагом вперед в поэтическом осмыслении истории и современности. Произведения В. Шаламова не о страдающем народе, а слово самого страдальца и мученика, лишенного свободы, но не утратившего веру. Характерна маленькая поэма «Аввакум в Пустозерске», где передано мироощущение человека, героя и автора, прошедшего невиданные испытания, но не сломленного духом: «Не в бревнах, а в ребрах / Церковь моя. / В усмешке недоброй / Лицо бытия» [15, с. 80], – утверждает поэт. Позиция Аввакума – это фактически точка зрения на советскую историю хранителя национальных духовных ценностей: «Мне рушили веру / В дела старины. / Без чести, без веры, / Без всякой вины» [Там же, с. 80].

Герой дает клятву Руси «вернуться с неба» и продолжить борьбу. Автор становится как бы продолжателем дела Аввакума. Лирический герой Шаламова – подлинно русский национальный характер. Это мужественные стихи. Поэтическое кредо заявлено в развернутом стихотворении, по структуре близком к маленькой поэме, – «О песне». Стихи рождаются естественно, в общении с дикой, «свободной» природой, и их нелегко перевести на обычный человеческий язык. Поэт уверен, что именно такое искусство в конечном счете победит. «Песня выйдет из болота». Муза поэта сориентирована на жестокую, как у Некрасова, реальность жизни. Горек реализм стихов Шаламова. Солженицын отмечал «их мужественную интонацию, их кровотечение» [11, с. 38].

В целом обращение к некрасовской эпической традиции помогает поэтам 1970–1980-х гг. выразить «ведущую национальную идею» – «идею цельности» русского национального мира [8, с. 71], «открывает перед современным лиро-эпосом широкие возможности в изображении внешнего эпического мира, который может воплощаться по-разному в зависимости от особенностей мировоззрения и мировосприятия поэта, его ориентации на ту или иную систему средств выразительности» [7, с. 77]. Можно сказать, что некрасовская традиция (наряду с «крестьянской» и «новокрестьянской» поэзией) лежит в основе генезиса литературного «почвенничества» второй половины XX века. Следует отметить, что некрасовская традиция приобрела особую актуальность и в русской поэзии 1990-х – 2020-х гг. и по-особому зазвучала в поэмах Н.И. Тряпкина, Ю.П. Кузнецова, А.А. Проханова и других поэтов, и ее изучение становится насущной исследовательской задачей.

Список литературы

1. Бараков В. Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция. Вологда: Русь, 2004. 268 с.
2. Викулов С. Против неба – на земле. Москва: Советский писатель, 1968. 87 с.
3. Выходцев П. С. Новаторство. Традиции. Мастерство. Ленинград: Советский писатель, 1973. 336 с.
4. Исаев Е. А. Колокол света. Москва: Правда, 1984. 319 с.
5. Лихачев Д. С. Заметки о русском // Новый мир. 1986. № 3. С. 260–267.
6. Михайлов А. И. Тайны поэзии: Книга критических эссе. Москва: Современник, 1980. 335 с.
7. Николаева С. Ю., Редькин В. А. «Как хороши, как свежи были танки...» (жанровое своеобразие поэмы А. А. Проханова «Алеющий восток») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 3 (74). С. 62–78.
8. Николаева С. Ю., Редькин В. А. Традиции А. А. Блока в поэзии Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 68–77.
9. Николаева С. Ю., Редькин В. А. Фольклорное начало в поэмах Ю. П. Кузнецова 1970-х гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 3 (82). С. 59–66.
10. Оботуров В. А. Сергей Викулов. Страницы жизни, страницы творчества. Москва: Современник, 1983. 238 с.
11. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 33–45.
12. Стюарт Е. Девять поэм Василия Федорова // Знамя. 1960. № 8. С. 204–212.
13. Тимофеев Л. И. Советская литература: Метод, стиль, поэтика. Москва: Советский писатель, 1964. 523 с.
14. Федоров В. Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Москва: Молодая гвардия, 1975. 461 с.
15. Шаламов В. Дорога и судьба. Москва: Советский писатель, 1967. 127 с.

NEKRASOV'S EPIC TRADITION IN RUSSIAN POEM OF THE 1970–1980s

S. Yu. Nikolaeva, V. A. Redkin

Tver State University, Tver

The tradition of N. A. Nekrasov in the Russian poem of the 1970–1980s is considered primarily as a tradition of epic narrative poetry addressed to the national foundations of the people's existence, to the people's "soil", this is a tradition of solving the problem of human happiness and open citizenship. Nekrasov's principle is manifested systematically: in the genre content, in the artistic structure of the works, in the moral position of the author, in folklor-

ism as a way of expressing the epic principle, in the event canvas, etc. The conclusion is made that turning to Nekrasov's epic tradition helps the poets of the 1970–1980s express the “leading national idea” – the “idea of integrity” of the Russian national world. The Nekrasov tradition (along with “peasant” and “new peasant” poetry) underlies the genesis of literary “pochvennichestvo” of the second half of the 20th century and acquires particular relevance in Russian poetry of the 1990–2020s, in the poems of N. I. Tryapkin, Yu. P. Kuznetsov, A. A. Prokhanov and other poets.

Keywords: *N. A. Nekrasov, Russian poetry, E. Isaev, S. Vikulov, V. Fedorov, V. Shalamov, soil poetry, aesthetic ideal, genre, poem, lyric epic, style, national character, lyrical “I”.*

Об авторах:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Nikolaeva.SY@tversu.ru.

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Redkin.VA@tversu.ru.

About the authors:

NIKOLAEVA Svetlana Yurievna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: Nikolaeva.SY@tversu.ru.

REDKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: Redkin.VA@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2025 г.

Дата подписания в печать: 14.03.2025 г.